

КРИЗИС ТРАДИЦИИ В МОНГОЛЬСКОМ КОЧЕВОМ
ОБЩЕСТВЕ

Под словом «традиция» понимаются связь настоящего с прошлым и механизм передачи информации накопленного жизненного опыта людей от поколения к поколению. Традиция обуславливает преемственность, т. е. сохранение и перенос необходимых жизненно важных, социально-культурных элементов из прошлого в настоящее и будущее. Традиция присуща всем этапам развития человечества и всем типам общества от самых архаичных до современных [1]. Традиция функционирует как в кочевом обществе, так и в других типах человеческих сообществ. Она регулирует стабилизацию социальных отношений, утвердившихся в данном обществе, и осуществляет воспроизводство этих отношений в жизни новых поколений. Традиция кочевников есть устойчивый многовековой, специфический жизненный опыт, который отражает самобытную индивидуальную особенность. Из-за специфических и особых жизненных условий существования стереотипов роль традиции в обществе кочевников приобретает крайне актуальное значение. Для определения особенностей кочевого общества в первую очередь следует охарактеризовать основные условия его становления, существования и отличие жизнедеятельности членов данного общества от других. Можно назвать две основные особенности кочевого общества. Во-первых: «Кочевой быт – явление сравнительно новое, относящееся к так называемому историческому развитию человечества» [2]. Значит, кочевникам принадлежат не только их «новые», приобретенные культура и традиции, заложенные в конце II – начале I тысячелетия до н. э., но еще и «общечеловеческие» [3]. У общечеловеческих традиций, по мнению Э. С. Маркаряна, существуют три разных источника. Это действие «...идентичных законов функционирования и развития обществ», «...единство происхождения» и итоги «...диффузии» [4]. Все эти факторы характеризуют единое начало и идентичность традиций, которые имеют «...универсальный для всего человечества характер» [5]. Конечно, общечеловеческие традиции – не в стороне от кочевников. Но речь у нас идет в основном о тех традициях, которыми обладали кочевники до того момента, когда пришли в кочевое скотоводство. Кочевники вышли из передовой части человечества (осваивавшей Евразийский континент), освоив все этапы антропосо-

циогенеза. Нужно подчеркнуть, что именно в Евразии благодаря тем, кто ее населял, осуществлялась цивилизация, несмотря на то, что Африка остается колыбелью человечества. Кроме этого, не случайно «Великая степь» [6] – родина кочевничества – находится в середине Евразии. Из сказанного можно сделать вывод, что кочевникам принадлежит одна из передовых ролей во всемирно-историческом процессе данного периода. Что касается дальнейшего пути кочевого общества, то на определенной ступени развития цивилизации – по объективным причинам – путь кочевников обрел специфическое выражение. Кочевники выбрали подвижное скотоводство как один из актуальных способов производства материальных благ и обусловили появление первого крупного общественного разделения труда, оформив становление частной собственности на одно из главных средств производства – скот. Несомненно, их занятие – подвижное скотоводство – было одним из самых передовых для своего времени. Исходя из этого можно определить, что кочевники воплощали передовые тенденции хозяйственно-экономического развития. При этом «...кочевое скотоводство на протяжении трех тысячелетий было неизменно» [7]. При таких устойчивых, стабильных условиях хозяйственно-экономического существования общественные явления, в том числе традиции, вынужденно обретают особые качества, и их роль намного расширяется. Традиция для кочевого общества не только является «...универсальным механизмом, который благодаря селекции жизненного опыта, его аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии позволяет достигать необходимых для существования социальных организмов стабильности и устойчивости» [8]. Но она также становится центром урегулирования и стимулирования всего жизненного процесса в обществе. Традиция прирастает от коллективной памяти [9] к памяти жизненной. В кочевничестве традиция выглядит неотъемлемой частью жизни общества. У кочевников нет понятия традиции как таковой. «Традиционное общество не знает понятия традиции. Оно руководствуется ею, живет ею, но не предаётся рефлексии о ней» [10]. Поэтому традиция для кочевников – это и есть живая жизнь. Кроме этого, основные условия существования общества, такие как: географическая среда, климат, ландшафт, виды хозяйственно-экономической деятельности, политическое управление, влияние религии, зависимость личности и т. д., все эти факторы влияют на определение роли традиции для любого общества. Если общество находится в оседлом, неподвижном по-

ложении (в буквальном смысле этого слова), то изменчивость становится стимулом для его развития и действует на жизненные процессы данного общества. Она проявляется в таких явлениях, как сдвиг, скачок, модернизация, прогресс, революция и т. д. В таком обществе периодически не хватает каких-то изменений и движений. В таких нетрадиционных обществах традиция считается консервативным, стабилизирующим явлением, и она функционирует только как сдерживающее начало, не более того. Если общество находится в подвижном состоянии, то не изменчивость, а устойчивость приобретает доминирующее положение. Например, в кочевом обществе, где все жизненные процессы зависят от передвижения, именно устойчивость определяет жизненный баланс. Она проявляется в качестве постоянства, повторимости, эволюционности и т. д. Если общество находится в закрытом состоянии, т. е. оно находится под деспотическим управлением или сильным религиозным и иным влиянием, то традиция тоже обретает особое положение, приобретая еще и негативную направленность.

Таким образом, роль традиции для разных человеческих обществ определяется по-разному. Если традиция в нетрадиционных обществах считается тормозом на пути прогресса, то в традиционных обществах, в том числе в кочевом, она поддерживает весь жизненный баланс общества. С одной стороны, можно рассматривать традицию как устойчивую, неподвижную, неспособную для модернизации и развития систему, с другой – она сама имеет способ введения нового и в своем кругу постоянно дополняется, совершенствуется за счет новаций и других прогрессирующих жизненных элементов. Традиции в традиционных обществах по разным причинам приобретают особые качества. Либо эти качества возникают из-за закрытости, либо из-за особых жизненных условий, например, в кочевом обществе. Традиция для кочевого общества есть регулятор всех жизненных процессов кочевников, при этом она функционирует как саморазвивающаяся система.

На рубеже начала Новой истории, когда мир начал претерпевать такие бурные события, как: открытие Американского континента с золотой лихорадкой, буржуазная революция во Франции, Просвещение, рост капитализма, начало колониальных войн и т. д., постепенно начался кризис и в Великой степи. Традиционное общество кочевников и его самобытный уклад жизни после 2,5-тысячелетнего существования начинают подвергаться кризисам не только из-за внутренних политических противоре-

чий, но и внешних воздействий. Кризис в кочевом обществе вызван в основном извне, т. е. внешние факторы прямо или косвенно, но отрицательно влияли на традиционную основу кочевого общества. Плюс к этому, его географическое расположение не позволяло ему оставаться в стороне от грандиозных мировых перемен. Если «каждый общественный строй в своем зрелом периоде накапливает сложную систему традиций» [11], то кочевое общество не только накапливало традиционную систему, но и из-за специфических условий существования традиция совмещалась со всеми элементами жизни, и она стала неотделимой частью общества. Ясно, что «разрушение традиционных начал в обществе приводит его к деградации и гибели; и наоборот, опора на них, их сохранение и культивирование – основа его прочности и процветания» [12]. Разрушение традиции проводилось с монгольским кочевым обществом в основном силой, через оккупацию с Востока, революцию с Запада – в виде «цивилизационных влияний» из оседлых цивилизованных стран, жизнь которых отличалась коренным образом от кочевого быта. Эти влияния в конечном итоге окончательно подвергли изменениям традиционные начала кочевничества. Поэтому кризис традиции в кочевом обществе, как мы его называем, становится не только кризисом самой традиции, но и кризисом всех жизненных укладов кочевников и вообще кризисом существований самого кочевого общества как самостоятельного субъекта истории. Главные причины кризиса традиции в кочевом обществе есть рост индустриальной цивилизации, основанной на стремлении к благополучию, и человеческая деятельность, изменившая мир не в лучшую сторону. Если цивилизация когда-то началась из земледелия, почти одновременно со скотоводством (оно приросло в подвижное скотоводство – кочевничество), то в итоге она охватывает весь мир, в том числе кочевой быт. Ставившая когда-то перед собой задачу «покорить природу» современная западная технократическая цивилизация взяла верх над истинно поклонявшимися природе как богу кочевыми народами. В конце концов побеждает человеческая жажда и человеческое стремление к благу, а не вера в вечное синее небо.

Внутренние проблемы кочевого общества не в стороне от кризиса традиции. Их надо рассматривать как часть способствующих условий, приведших к кризису. Можно выделить, на наш взгляд, в данном случае, следующие моменты: внутренне-политические противоречия в монгольском кочевом обществе и

распространение буддийской религии. От многовековых внутренне-политических противостояний Монголия потеряла единство и самостоятельность и превратилась в самую отсталую и неразвитую окраину маньчжурской империи Цин. Если Монголия от внутренне-политических противостояний потеряла независимость, то от слишком глубокого увлечения буддизмом кочевники утратили личные человеческие качества, такие как: самостоятельность, храбрость, саморазвитие, свобода мысли, оптимизм и т. д. Несмотря на то, что традиционная основа монгольского кочевого общества начала теряться по разным причинам, в целом она сохранилась. Кочевникам удалось сохранить свой жизненный уклад, культуру, образ жизни, язык и традиции при управлении Цинской династии. Самое главное, им удалось остаться не растворенными в Китае. В этом жизненно важном процессе им помогали их земля, природная среда, занятие – кочевое скотоводство, образ жизни. Однако в XX в. кризис традиционной основы монгольского кочевого общества продолжался в новом формате, в виде народно-революционных преобразований. На этот раз пришедшая Западная цивилизация через революцию оказалась более «подходящей» монгольским кочевникам, чем Восточная. Кроме этого, рубеж XX в. был временем решающего значения для существования монгольского кочевого общества. Время монгольских кочевников диктовать условия другим навсегда ушло в прошлое, и время выживания пришло к концу, а теперь приходит время спасения себя и нахождения своего места в стремительно меняющемся современном мире. В таких трудных ситуациях монголы видели в России защитника, соседа и искали опору в ней, с помощью которой надеялись освободиться от маньчжурской власти, добиться провозглашения государственной независимости. Россия помогала Монголии. Октябрьская социалистическая революция, происходившая в 1917 г. в России, имеет безусловно огромное значение в первую очередь для приобретения государственной независимости монгольскими кочевниками. По исторической судьбе она совпала с национально-освободительным движением монголов от китайской зависимости. Если для России социализм был чудовищным экспериментом [13] большевизма, то для монголов он стал неплохим инструментом для приобретения независимости страны.

Примечания

1. От редакции // Сов. этнография. 1981. № 3. С. 72.
2. Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии. М., 2007. С. 294.

3. Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Сов. этнография. 1981. № 2. С. 85.
4. Там же.
5. Маркарян Э. С. Указ. соч. С. 5.
6. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 2002. С. 402.
7. Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии. С. 292.
8. Маркарян Э. С. Указ. соч. С. 87.
9. Чистов К. В. Традиция, «традиционные общества» и проблема варьирования // Сов. этнография. 1981. № 2. С. 105.
10. Гофман А. Б. Традиции и инновации в современной России. М., 2008. С. 63.
11. Думава К. Н. Влияние новых традиций на формирование личности. М., 1970. С. 4.
12. Гофман А. Б. Традиции и инновации в современной России. С. 66.
13. Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. СПб., 1998. С. 5–6.

КУЗНЕЦОВА Т. И.

ГОРОД КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

По мнению О. Шпенглера, угасающая культура Запада должна уступить место только еще формирующейся «русско-сибирской» культуре. Концепция русско-сибирской цивилизации О. Шпенглера является незаконченной, но имеющей право на существование.

Культура осуществляется в социальном пространстве и времени, и они как формы существования высшей реальности – человеческого общества – определяют, по мнению нашего сибирского философа Н. С. Коноплёва, материальную культуру, выступают способом ее реализации. Внутренний мир личности становится продолжением мира внешнего, в котором живет человек.

В философии пространство и время выступают как предельно обобщенные понятия, в которых схватываются структурная организованность и изменчивость бытия. Многомерность и динамизм, способность пространства быть закрытым и открытым, сочетать историческую преемственность, непрерывность и дискретность, способность влиять на формирование человека, личности, – данные характеристики культурного пространства позволяют воспринимать его как живой организм, который пульсирует, дышит, растет, развивается, изменяется, обладает «пористой структурой», что дает возможность сохранять его реликтовые пласты и обновляться за счет появления новых культурных слоев.

Культурное пространство России предполагает и его региональность, поскольку региональные культурные пространства и